

A detailed illustration of a person with dark, curly hair, seen from behind, sitting on a wooden chair at a table. The table is set with a white teacup and saucer, a glass of red liquid, and some bread. The person is looking out over a lush, autumnal forest towards a magnificent, multi-towered castle with blue roofs and golden accents, built on a high, rocky cliff. The scene is bathed in the warm light of autumn, with fallen leaves scattered on the ground and trees with vibrant orange and yellow foliage. The overall atmosphere is one of quiet contemplation and fantasy.

Игорь Бовсуновский

МАЛЫЕ МИРАЖИ
- рассказы

Игорь Бовсуновский

МАЛЫЕ МИРАЖИ - рассказы

<https://litres.ru/73940121>

SelfPub; 2026

Аннотация

В этой книге нет громких подвигов, роковых злодеев и вселенских катастроф. Ее герои — самые обыкновенные, «маленькие» люди, увязшие в тине провинциальных будней, нелепых приличий и собственных несбывшихся надежд. Этот сборник коротких историй — ироничный, комический, и немного грустный взгляд на человеческие слабости. Здесь смешное граничит со слезами, за простыми бытовыми сценами скрывается глубокая драма, а чаепитие за столом оказывается важнее любых мировых проблем.

Книга для тех, кто ценит лаконичность, точную деталь и долгое, слегка меланхоличное послевкусие.

Внимание! Новые рассказы добавляются каждые 4 дня. Подписывайтесь, чтобы не пропустить обновления!

Содержание

СКРИПКА И СТАРЫЙ ДОЛГ	4
СМАРТФОН И ЖИЗНЬ	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

МАЛЫЕ МИРАЖИ

- рассказы

СКРИПКА И СТАРЫЙ ДОЛГ

Светает. Капли утренней росы начинают переливаться на солнце всеми цветами радуги. Все вокруг только начинает просыпаться, но в квартире номер шестьдесят девять уже слышны звуки скрипки.

- Опять наш Алексей Никифорович встал ни свет, ни заря! – жалуется своей жене Антон Ворчунов. - Вот что наш сосед за человек такой?! Ты мне скажи, а?! – бранится, суматошно и лениво накидывая на себя темно-синий халат. – Что ни утро, так с самого утра: пилик-пилик... Соловей проклятый!..

- Да что ты заладил?! – начинает спросонья возражать жена.

- Вот, Оля, скажи мне... - со злостью натягивает носок на ногу. – Вот сколько можно уже на нервах у всего дома играть?! - силой тянет носок на стопу, но тот все никак не поддается из-за влажности ног. – Ну, вот сколько этот негодяй, Бог ему судья, будет ставить дом на уши с самого утра своей скрипкой?!.. Я сейчас к участковому пойду! Надоело! – силой натягивает-таки носок на правую ногу. Берет второй.

– Вот погоди у меня!.. - Я тебе сейчас этот смычок знаешь куда засуну?!.. Вот только надену этот несчастный носок!..

- Смотри чтобы после твоих подвигов к нам участковый в гости не появился! – усмехается Ольга.

- Смешно тебе, да?! – Антон встает во весь рост и туго завязывает пояс халата. – Ты мне посмейся! Пробил час! – накидывает тапочки и решительно уходит в коридор.

Домашние стены с местами отклеивающимися от времени обоями сменяются прокуренной атмосферой парадной. В синей стене межквартирного коридора примостилось узкое окно. На его хлипком подоконнике стоят несколько горшочков с фиалками, изо всех сил тянущимися к солнечному свету. Ежедневно задыхающиеся от табачного дыма цветы изредка поливает уборщица Клавдия Викторовна, беспощадно полирующая коричневый грязный кафель хлоркой.

- Алексей Никифорович! – сдержанно стучит в дверь сосед. – Отворяйте же! – слышит как за глухой дверью продолжает звучать скрипка. Безысходно оглядывается, осматривая серую парадную и пытаюсь понять, не страшный сон ли это. – Алексей Никифорович! – начинает судорожно и сильно молотить кулаком в дверь.

Звук скрипки на время прекращается, а стук сердца соседа начинает замедляться. – Неужели! Слава тебе, Господи! – потирая руку после долгого стука по металлической двери, с чувством удовлетворения направляется обратно в квартиру.

Едва рука Ворчунова касается холодной ручки входной

двери, звучание скрипки начинается снова.

- Да черт бы тебя побрал, бес проклятый! – взрывается Ворчунов, возвращаясь к двери музыканта. Кулаком злобно стучит по металлу. Слышит звук открывающегося замка на верхнем этаже. Продолжает стучать, периодически контролируя взглядом лестничный пролет сверху.

- Николай Сергеевич, доброго утречка вам! – громко произносит Ворчунов.

- И тебе не хворать! - приветствует соседа, медленно спускаясь по зашарпанной бетонной лестнице. Аккуратно ступая пошатывающимися ногами по ступенькам, тонкие дрожащие руки старика касаются стены, разрисованной местной шпаной карикатурами, а также металлического каркаса перил, изредка увешанных деревянными остатками некогда бывшей цельной роскоши. – Ну, из-за чего шум стоит?!..

- Да пес его знает, Сергеевич! – бранится Ворчунов. – Ни свет ни заря с утра играет соседушка наш! – сетует. – Совсем совесть потерял! – снова начинает кулаком стучать в дверь.

- Беда, да и только, - произносит Николай Сергеевич, качая головой. – Ай-ай-ай... до чего же непутевым стал наш малый...

Ворчунов на время прекращает стучать в дверь.

- Вот Вы мне скажите, Сергеевич, почему именно сосед?! Вот что я ему сделал?!.. – накаляет он. – Ведь всегда человеком был, так нет же... послали скрипача, прости, Господи!.. – снова начинает громко стучать в дверь. – Алексей Ники-

форович, отворяйте!

Звучание скрипки перестает наполнять парадную. Оба соседа замирают.

- Неужели! – радуется Ворчунов. – Услыхал Бог мои молитвы! – смотрит с улыбкой на старика. – Наконец-то! И все-таки какой противный, пиликающий звук у этой скрипки бывает, скажите Сергеевич?!.. Особенно когда хочется поспать утром!..

Старик улыбается в ответ, и молча продолжает спускаться по лестнице. Антон возвращается к себе.

В квартире его снова окружают женская забота и домашний уют.

- Дорогая, ты слышишь?.. – радостно спрашивает муж.

- Как ты бранишься?.. - уточняет та. - Слышу... - Не позорился бы хоть на старости лет перед людьми... - осуждает поведение мужа.

- Так а я отчего же?..

- А Бог тебя знает! Укусил бес какой-то с утра, да побежал как заведенный к Никифоровичу!.. – улыбается. - Где ж это видано, чтобы с людьми через закрытую глухую дверь разговаривать... Глупость да и только...

- Ну, так тишина, Оленька! – не нарадуется Ворчунов. – Одолеет соловья...

- Разбойника! – с ухмылкой перебивает на полуслове жена. – Иди за стол лучше... уж накрыла все.

- За такое не грех и выпить! – торжественно произносит

Ворчунов, едва усевшись за стол.

- Побойся Бога! – качает головой жена. – Утро на дворе, а ты за старое...

Ворчунов берет в руки ломоть черного хлеба и с чувством удовлетворения откусывает большой кусок. Пробует горячий суп, но в этот момент до его ушей снова доносится плач скрипки.

Брызги супа с хлебными крошками разлетаются по всему деревянному столу перед Ворчуновым. Он с криком подскакивает, и выплевывая на ходу остатки еды, спешно направляется к Алексею Никифоровичу.

- Отворяй, собака! – стучит кулаком что есть мочи в дверь Ворчунов. - Нет сил больше терпеть эти издевательства!

Игра на мгновение прекращается. В замочной скважине проворачивается ключ. Дверь медленно, со скрипом отворяется, и перед Антоном возникает фигура Алексея Никифоровича. В руках музыканта находится злосчастная скрипка со смычком, а на лице – глубокая застывшая печаль. Оба с порога идут в квартиру.

- Присядь, сосед... - тихо предлагает Алексей Никифорович.

Он подходит к серванту, достает два граненых стакана и ставит их на стол. Несколько секунд он молча смотрит на опешившего Ворчунова. Затем, не проронив ни слова, снова оборачивается к шкафу и возвращается с бутылкой водки. Наполняет стаканы на треть, ставит бутылку, берет один из

них и протягивает Антону.

- Помянем... - коротко бросает он.

Ворчунов с удивлением смотрит на соседа, совершенно не понимая, что происходит. Алексей Никифорович в один глоток опустошает свой стакан, берет со стола ломоть хлеба и принохивается к нему, закусывая.

- А кого поминаем-то? – в недоумении уточняет Ворчунов.

- Моего родного братца... - грустно молвит тот. – Светлая память ему!.. – снова тянется к инструменту. – С вашего позволения, Антон, я бы хотел продолжить... в знак памяти так сказать...

- Да, конечно, - неосознанно одобряет Ворчунов. – Это ж надо такому случиться...

Антон сидит на старом деревянном табурете, и слушает. Тот самый звук, который еще пять минут назад вызывал у него глупую ярость, теперь воспринимается совсем иначе. В нем больше нет раздражающего пиликанья — остался только плач. Все поменялось в один миг. Вдруг он резко встает, открывает настежь окно, и громко произносит:

- Светлая память братцу! – залпом опустошает стакан. Смотрит на Алексея Никифоровича. - Так пусть же плачет скрипка все сильнее! Так пусть сердца все щемит голосом своим! Смелей, мой друг! Играй торжественно, смелее! И дай нам Бог, дань памяти нести! – торжественно с умным видом машет руками словно дирижер.

- Антошка! – слышится за дверями голос Ольги. Раздаётся стук.

- Уже иду, Оля! – в спешке закидывает в рот ломоть хлеба с зеленью, чтобы перебить запах водки, но вдруг замирает.

- Слушай, Леша... - Антон торопливо дожевывает. – А я ведь твоему братцу был сто двадцать рублей должен... как же быть-то теперь?.. – переводит взгляд на продолжающего играть скрипача. - Ты, наверное, погоди немного! Я сейчас вернусь... Только возьму дома деньги...

Ворчунов, спешно пошатываясь, покидает квартиру и через минуту возвращается. Он подходит к музыканту и протягивает ему несколько купюр:

— Возьми! Долг платежом красен!

Алексей Никифорович прекращает играть на скрипке, и с фальшивой грустью в глазах принимает деньги.

- Спасибо, соседка... Ты заходи, ежели что... - уныло произносит он, провожая Ворчунова за дверь.

Замок громко щелкает.

- Ну, выходи, братец! – тут же весело командует Алексей, небрежно откладывая скрипку в сторону. - Я же говорил, что смогу вернуть долг?! Уговор дороже денег, так что половина моя! – радуется.

Понравился рассказ? Поставь оценку в пять звёзд [[на странице книги](#)]. Впереди ещё много необычных историй, поэтому чтобы ничего не пропустить, [[подпишись на Автора](#)] прямо сейчас.

СМАРТФОН И ЖИЗНЬ

Жаркое полуденное солнце не по-майски окутало тихий город какой-то особенной, бережной нежностью. Я сидел на скамье около цветущей сирени и чувствовал, как ворот моей рубахи постепенно превращается в мокрый ком.

В руках я держал смартфон — вещь, право, бессмысленную и даже вредную для души, но совершенно необходимую, когда человеку нечем себя занять. Палец мой монотонно скользил по экрану, а перед глазами мелькали чужие лица, модные наряды прекрасного пола, сладости, «секретные» изречения мудрецов, и эти пушистые, смешные, вечно умиляющие бесконечные коты. Зачем мне всё это? Одному Богу известно. Но я смотрел. Смотрел с тем тупым, сосредоточенным вниманием, с которым студент изучает латынь, заранее зная, что завтра всё забудет.

— Идиллия... — пробормотал я, шурясь от бликов на стекле.

Тёплый ветер был переполнен свежим и одновременно сладким запахом нагретой солнцем сирени. Где-то за забором послышался детский смех и скрип цепной качели. Жизнь, настоящая, шумная, с запахом сирени и дешевых духов, проходила мимо, а я всё сидел, согнувшись в три погибели, и искал что-то в своём телефоне.

Казалось, еще минута — и я вычитаю там нечто такое, от-

чего жизнь моя вдруг приобретет смысл, воротничок перестанет жать, да и вообще, начитавшись изречений мудрецов, начну иначе мыслить... Но по ту сторону стекла лишь продавали крем для похудения, предлагали во что-нибудь вложить свои кровно заработанные, и неистово сокрушались о погоде в Петербурге.

На душе стало невыносимо грустно. Захотелось чаю с лимоном, глубокого кресла и чтобы кто-нибудь пожалел — просто так, за то, что я человек, вынужденный коротать свой век, тыча пальцем в холодное стекло под этим равнодушным, палящим солнцем.

В самый разгар моих меланхолических раздумий, тишину прорезал оглушительный, можно даже сказать, захлебывающийся лай.

Из-за куста сирени, волоча за собой обрывок какой-то грязной веревки, выскочила небольшая чёрная собачонка — из тех неопределенных пород, в которых глубина взгляда искупает беспорядок в доме. Она подбежала к скамье и, приняв воинственную позу, принялась меня облаивать. В её больших карих глазах читалось искреннее негодование: она точно видела в этом светящемся смартфоне личного врага или, по меньшей мере, что-то опасное.

— Поди прочь! — прикрикнул я, невольно пряча телефон за спину.

Но собака не унималась. Она крутилась волчком, взрывая лапами сухую землю, и оглашала всё кругом таким лаем, буд-

то я держал в руках не телефон, а украденную у неё кость.

Я снова посмотрел на экран, потом на собаку, и почему-то мне вдруг стало совестно. Собака была живая, злая и пыльная, она вся дрожала от неподдельной и даже игривой страсти, в то время как я сидел, точно привязанный, поглощенный информационным шумом.

— Вот неугомонная... — вздохнул я, убирая телефон в карман.

Собака замолчала так же внезапно, как и начала. Она посмотрела на меня с глубоким презрением, один раз чихнула и, вильнув куцым хвостом, деловито потрусила к пруду. А я остался удивлённо сидеть в тишине, чувствуя, как в кармане беззвучно и бесполезно вибрирует уведомление о чём-то новом и, должно быть, очень важном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.